

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К. В. Бабаев

К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ И СРАВНИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ КАТЕГОРИИ КЛЮЗИВНОСТИ В НИГЕРО-КОНГОЛЕЗСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Настоящая статья имеет своей целью кратко суммировать результаты исследования категории инклюзивности / эксклюзивности в системах личного маркирования языков нигеро-конголезской (далее — НК) макросемьи. Анализ данной грамматической категории проводится как с точки зрения диахронической типологии, затрагивая вопросы формирования и развития ключивных форм личных местоимений и личных показателей², так и с точки зрения сравнительно-исторического анализа. Изучение категории ключивности является составной частью масштабного сравнительного исследования местоименных систем НК языков, проводимого с целью реконструкции элементов системы личных местоимений НК праязыка.

Структура статьи строится в виде последовательности следующих условных разделов. Во-первых, будет представлена география распространения категории ключивности в языках НК макросемьи. Затем формы инклюзивных и эксклюзивных личных местоимений будут проанализированы с точки зрения типологии их происхождения, будут показаны наиболее частотные источники формирования

¹ Работа выполнена в рамках проекта при поддержке РГНФ, грант № 10-04-00269а «Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки».

² В настоящей работе под термином «личные показатели» понимаются различные подклассы грамматических показателей категории лица, включая как собственно личные местоимения, так и показатели, не обладающие (по различным причинам) статусом местоимений, в т.ч. связанные (аффиксальные) показатели лица имени и глагола в бенуэ-конголезских языках, клитические предикативные показатели лица в языках манде и др.

данных форм в языках различных ветвей макросемьи. За этим следует собственно исследование возможностей реконструкции праязыковых форм инклюзива и эксклюзива — как на уровне отдельных групп и семей языков, так и на пра-НК уровне.

Исследование проводится на материале электронной базы данных, содержащей парадигмы личных показателей в более чем 450 языках НК макросемьи. Автор выражает благодарность Д.Ф. Мищенко за помощь в создании базы данных.

Необходимо кратко обозначить, что в данной работе понимается под категорией клюзивности. Значения личных местоимений и других показателей, относящиеся к выражению 1 л. не-единственного числа, могут выражать как собственно 1 л. (что обычно называют «минимальным значением», т.е. буквально «несколько я»), так и сочетание нескольких лиц:

1+2 (т.е. «мы с тобой / мы с вами», или инклюзив);

1+3 («мы с ним, с ней / мы с ними», или эксклюзив);

1+2+3 (или «расширенное значение»).

Противопоставления расширенных местоимений 1 л. мн. ч. с детализацией числа участников (напр., особых форм для значений «мы с тобой», «мы с вами» и «я с вами») в НК языках не засвидетельствовано.

Кроме того, формы могут различаться собственно по числу, т.е. двойственное число имеет особые способы маркирования. В ряде языков формы дв. ч. невозможно игнорировать при анализе категории клюзивности. Например, в языке банди (юго-западная группа семьи манде) форма *ti* имеет значение мн. ч. в изъявительном наклонении, но значение дв. ч. в императиве (когортативе), где более двух лиц обозначаются формой *àti*. Формы дв. ч. имеют существенное значение для реконструкции праязыковой категории клюзивности. Наиболее частотной является ситуация, когда дв. ч. имеется только в 1 л., в то время как отсутствует в остальных лицах; 2 л.: языки диола-каса (атл.), мамбила (бантоид.), линда (убанги); 3 л.: нконья (ква), изере (платоид.).

Проблемам типологии и сравнения местоименных систем языков тропической Африки, обладающих грамматической категорией клюзивности, до сих пор не уделялось достаточного внимания. Отдельных исследований на эту тему в научной литературе нами не найдено. Иногда эта любопытная категория остается и вовсе незамеченной исследователями. Например, по утверждению «Всемирного атласа языковых структур» (World Atlas of Language Structures,

WALS), «различение инклюзива / эксклюзива довольно нехарактерно для Африки <...> Лишь несколько языков южнее Сахары демонстрируют это различие»³ [Cysouw 2008].

Приведенное утверждение, безусловно, не может считаться верным. Противопоставление инклюзивных и эксклюзивных форм (а иногда и более сложная система оппозиций) распространено в субсахарской Африке довольно широко. Грамматическая категория клюзивности личных местоимений засвидетельствована в языках убанги (прежде всего группы банда), в большинстве языков группы хейбан кордофанской семьи, во многих атлантических языках (группы бак, тенда, кангин и др.), в языках адамауа (группы леко, дуру, мбум), манде (группы южных, юго-западных языков, а также моколе, сусу-джалонке, самого и других), в большом количестве языков ква (группа тано), ряде языков бенуэ-конголезской семьи (языки кросс-ривер, каинджи, игбоидные). Большое распространение категория клюзивности получила в бантоидных языках (подгруппа языков бамилеке, отдельные мамбилоидные и бебоидные языки).

Ареал распространения данной категории не выходит за пределы северного полушария, в субэкваториальную Африку: среди языков семьи банту различение местоимений по категории клюзивности засвидетельствовано практически исключительно в зоне А, расположенной на крайнем северо-западе обширного бантуязычного ареала и обычно характеризуемой большим типологическим и лексическим сходством с языками других ветвей бенуэ-конголезской семьи (прежде всего бантоидных и кросс-ривер).

Географическое распространение категории клюзивности в НК языках иллюстрировано картой 1. На ней хорошо видно, что двумя основными ареалами присутствия данной категории являются западный (включающий прежде всего территорию республик Кот-д'Ивуара, Либерии, Сьерра-Леоне, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Буркина-Фасо и Мали) и центральный (в первую очередь Камерун и Центральноафриканская Республика). В то же время расположенные между ними многочисленные языки Ганы, Того, Бенина и большей части Нигерии категорией клюзивности не обладают. На востоке ареала НК языков можно отметить языки группы хейбан кордофанской семьи, также обладающие клюзивностью.

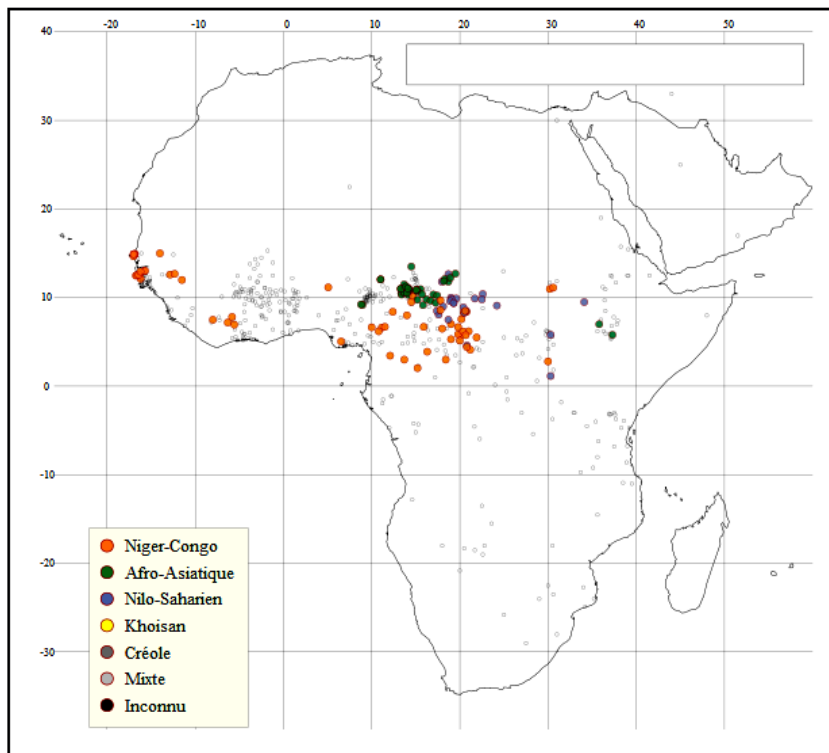
³ «In general, the inclusive/exclusive distinction is rather uncommon in Africa and Eurasia <...> Only a few sub-Saharan languages show the distinction».

Карта 1

Таким образом, распространение ключивного типа местоименных систем не представляет собой сплошного ареала и не входит в концепцию обширного конвергентного объединения, названного Т. Гюльдеманом «макросуданским поясом» (Macro-Sudan Belt) [Güldemann 2008]. Данный языковой союз определяется Гюльдеманом как совокупность типологических изоглосс, характеризующих большое количество языков самого разного происхождения, расположенных в зонах саванн и влажных экваториальных лесов Великого Судана. Как можно видеть на карте 1, распространение категории ключивности не является одной из таких изоглосс.

Включение в обзор материала языков других макросемей Африки позволяет видеть (карта 2), что центральный ареал распространения ключивности в НК языках соответствует более широкой области распространения этой категории, прежде всего в чадских и в некоторой степени нило-сахарских языках. Западный же и восточный ареалы на карте 1 ограничивают ее распространение языками НК макросемьи.

Карта 2 [Seegerer 2002–2007]

С точки зрения принятой на сегодняшний день генетической классификации языков НК макросемьи (см., например: [Seegerer 2008]), категория клюзивности присутствует в достаточном количестве семей, чтобы ее наличие можно было предполагать и для праязыкового состояния. Из 455 НК языков (исключая банту) в нашей базе данных 99 (или около 22 %) обладают противопоставлением инклюзивных и эксклюзивных форм личных местоимений. Эта оппозиция присутствует как в семьях, наиболее рано обособившихся от праязыковой общности (кордофанские, «атлантические», манде), так и в различных семьях, объединяемых под условным наименованием «вольта-конголезских»: ква и бенуэ-конго, с одной стороны, адамауа и убанги — с другой. Нередко можно говорить об отсутствии языковых контактов между объединениями языков, где

присутствует категория клюзивности. Так, языки семьи ква, где отмечена клюзивность, не контактируют с теми из языков бенуэконго, где эта категория также присутствует. Кордофанские языки и вовсе выглядят изолированными в этом отношении. Все указанные данные косвенно подтверждают возможность не ареального, но генетического происхождения категории клюзивности в НК языках.

Между тем при точечном анализе инклюзивных и эксклюзивных форм личных показателей в отдельных языках становится видно, что происхождение этих форм является во многих случаях вторичным. В частности, можно следующим образом классифицировать типы образования форм эксклюзивных местоимений.

1. Образование по формуле «я-PL», т.е. модификация формы 1 л. ед. ч. одним из аффиксов плюральности:

(1) фула (атл.) *mí* ‘я’, *mí-n* ‘мы’ (экскл.) [Pozdniakov & Segerer 2004: 176];

(2) гбаи (убанги) *mē* ‘я’, *mò* ‘ты’, *álé-mē* ‘мы (экскл.)’, *álé-mò* ‘вы’ [Boyd 1988].

Такой способ является одним из наиболее распространенным в языках мира методом образования местоимений множественного числа, а в случае наличия в языке категории клюзивности — именно эксклюзивных форм, являющихся менее маркированными, чем инклюзивные [Siewierska 2004]. В ряде атлантических языков суффикс *-n* является маркером плюральности, что делает технику образования местоимений мн. ч. вполне прозрачной по всей парадигме [Pozdniakov & Segerer 2004: 175].

Любопытной разновидностью такого способа образования эксклюзивных форм является редупликация местоимения 1 л. ед. ч.:

(3) бака (убанги) *ngāà* ‘я’, *ngāngā* ‘мы (экскл.)’ [Brisson & Boursier 1979].

2. Фонологическая модификация местоимения 1 л. ед. ч.

В ряде языков прослеживается очевидное материальное сходство между местоимениями 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. эксклюзива, которое можно считать результатом как процесса парадигматического выравнивания, так и фузии местоимения «я» с некоторым плюральным маркером, т.е. следующей фазой процесса, описанного в п. 1. В обоих случаях представляется очевидным, что базовой формой является именно сингулярная форма, в то время как эксклюзивная форма 1 л. мн. ч. была образована под ее влиянием.

Различие между формами может быть как сегментным (гласная фонема), так и супraseгментным (изменение тона):

(4) басари (атл.) *mɛ̀* ‘я’, *mí* ‘мы (экскл.)’ [Seeger 2002–2007];

(5) бобо (манде) *mɛ̀* ‘я’, *mɛ́* ‘мы (экскл.)’ [Le Bris & Prost 1981: 43];

(6) манинка (манде) *n̄* ‘я’, *n̄́* ‘мы’ [Davydov 2010].

Любопытно отметить, что на уровне праязыка манде восстанавливается тональная парадигма личных местоимений, в которой форма 1 л. ед. ч. устойчиво характеризуется высоким тоном, а форма 1 л. мн. ч. — низким [Бабаев, рук.]. Эта оппозиция, как мы видим в примерах (5–6), сохраняется даже при фонетическом уподоблении обеих форм друг другу.

3. Уподобление местоимению 2 л. ед. ч.

В атлантическом языке палор (группа кангин) эксклюзивное местоимение 1 л. мн. ч. выводится из формы 2 л. ед. ч. с добавлением плорального аффикса *-n*:

(7) палор *fU* ‘ты’, *fUn* ‘мы (экскл.)’ [Pozdniakov & Seeger 2004: 177].

К.И. Поздняков и Г. Сежерер предполагают двухступенчатое развитие такого сдвига: из местоимения 2 л. ед. ч. *fU* в местоимение 2 л. мн. ч. *fUn*, а затем «при образовании противопоставления инклюзива / эксклюзива» — в местоимение 1 л. мн. ч., при этом местоимение 2 л. мн. ч. было заменено другой основой. С типологической точки зрения, впрочем, такой сдвиг кажется как минимум странным. Логичнее было бы предположить в палор и третью стадию сдвига: взаимозамену эксклюзивного и инклюзивного местоимений (процесс, типологически известный в языках мира), с учетом того, что инклюзивное местоимение *uen* как раз соответствует эксклюзивному *uen* в близкородственном языке ндут.

4. Сложение местоимений мн. ч. «мы» и «они».

Эксклюзивную форму 1 л. мн. ч. *tiyɛ̀* в языке кпеен (группа самого семьи манде) логично выводить из сложения местоимений:

(8) кпеен *tiyɛ̀* ‘мы (экскл.)’ < *ti* ‘мы (инкл.)’ и *ɛ̀* ‘они’ [Zwernemann 1996].

Подобный способ формирования эксклюзивных форм местоимений широко распространён в языках Евразии и Америки, однако в НК языках других случаев такого рода композиции нами не зафиксировано.

5. Супплетивная лексема.

Наконец, необходимо отметить довольно многочисленные случаи немотивированного образования эксклюзивного местоимения: оно может представлять собой лексему, не имеющую видимых генетических схождений в составе парадигмы личных показателей, при этом фонетический состав его не позволяет делать выводов о его производном характере:

(9) акоосе (банту A15) *sé* ‘мы (экскл.)’ [Nurse 2007],

(10) пор (каинджи) *īt* ‘мы (экскл.)’ [Blench, рук.],

(11) лангбаси (убанги) *īā* ‘мы (экскл.)’ [Segeer 2002–2007].

Интересно, что в целом ряде языков отмечена модификация немотивированных форм эксклюзивных местоимений с помощью плюральных аффиксов. Например,

(12) кукеле (кросс-ривер) *be-še* ‘мы (экскл.)’ [Preston 1854: 12], где *be-* префикс плюрального именного класса,

(13) ком (бантоидные) *ghesi* ‘мы (экскл.)’ [Schulz 1997], где *ghe-* является плюральным префиксом, происходящим из существительного *gheli* ‘люди’.

Вторичное оформление местоимений мн. ч. плюральными аффиксами — довольно характерная типологическая черта в языках мира. Вместе с тем можно предположить наличие на раннем этапе развития языка соответствующих местоимений без префикса (или с иным префиксом), содержавших какое-либо иное значение, например значение двойственности, ср. (13):

(14) лега (банту D25) *i-swé* ‘мы (дв. ч.)’, *bi-swé* ‘мы (мн. ч.)’, где *i-* — отражение гласного префикса несубъектных серий местоимений, *bi-* — префикс плюрального именного класса [Botne 2003].

Существует возможность таким же образом классифицировать местоимения 1 л. мн. ч. инклюзива в НК языках по способу образования.

Наиболее распространенной техникой их формирования является фузия местоимений 1 и 2 лиц, одно из которых должно быть также плюральным. Как уже упоминалось, ни в одной НК языке не существует оппозиции местоимений 1 л. мн. ч. с детализацией числа участников («мы с тобой» / «мы с вами»). Таким образом, языки выбирают одну из трех стратегий образования инклюзивной формы личного показателя. Эти стратегии приведены ниже в п. 1–3 по мере убывания их статистической частотности.

1. Сложение местоимений «мы» + «вы».

(15) ламнсок (бантоидные) *vēr* < **vēs* ‘мы (экскл.)’, *vēn* ‘вы’, *vēsān* ‘мы (инкл.)’ [Grebe & Grebe 1980],

(16) нони (бантоидные) *bese* ‘мы (экскл.)’, *bèn* ‘вы’, *beènè* < **bèsè-bèn* ‘мы (инкл.)’ [Human 1981],

(17) кпелле (манде) *gu* ‘мы (экскл.)’, *ka* ‘вы’, *kagu* ‘мы (инкл.)’ [Casthelain 1952: 78],

(18) какабе (манде) *má* ‘мы (экскл.)’, *wə* ‘вы’, *ámá* ‘мы (инкл.)’ [Выдрина 2008: 49; 2009: 13].

Весьма вероятно отнесение сюда также фонетически редуцированной формы языка дан:

(19) дан (манде) *ko* ‘мы (экскл.)’, *ka* ‘вы’, *kwa* < **koa* ‘мы (инкл.)’ [Выдрин 2006].

В качестве первого компонента может употребляться также местоимение двойственного числа:

(20) дии (адамауа) *ba* ‘мы (дв.ч.)’, *vi* ‘вы’, *ba- ... -vi* ‘мы (мн.ч. инкл.)’ [Bohnhoff 1986],

(21) лоома (манде) *dé* ‘мы (дв.ч. инкл.)’, *à* ‘вы’, *àdé* ‘мы (мн.ч. инкл.)’ [Мищенко 2010].

В редких случаях засвидетельствованы циркумфиксальные формы личных показателей, в которых начальный элемент представляет собой местоимение 1 л. мн. ч., конечный — местоимение 2 л. мн. ч.:

(22) экпейе (игбоидные) *a-* ‘мы (экскл.)’, *i/e- ... -ni* ‘вы’, *a-...-ni* ‘мы (инкл.)’ [Clark 1976].

Представляется небезынтересным, что порядок компонентов в составе контаминированной формы не всегда диктуется известной иерархией лиц Силверстейна [Silverstein 1976]: как видно в примерах (17) и (21), начальным компонентом может выступать и местоимение 2 л. Эта стратегия используется исключительно в языках манде, что видно и ниже в п. 2.

2. Сложение местоимений «я» + «вы».

(23) йемба (бантоидные) *t* ‘я’, *pɛ* ‘вы’, *mpɛ* ‘мы (инкл.)’ [Нагто & Наунес 1991],

(24) сусу (манде) *n* ‘я’, *wə* ‘вы’, *wən* ‘мы (инкл.)’ [Touré 2004: 57].

3. Сложение местоимений «мы» + «ты».

(25) акоосе (банту A15) *sé* ‘мы (экскл.)’, *wɛ* ‘ты’, *sé-wɛ* > *sód* ‘мы (инкл.)’ [Nurse 2007],

(26) нгиембоон (бантоидные) *pég* ‘мы (экскл.)’, *ɔ* ‘ты’, *pégɔ* ‘мы (инкл.)’ [Cysouw 2003: 174].

4. Уподобление местоимению 2 л. мн. ч.

Включение партиципантов второго лица в состав значения инклюзивного местоимения может выражаться не только эксплицитным добавлением соответствующего компонента в составную форму, но и фонетическим уподоблением обоих местоимений, что создает противопоставление с местоимением эксклюзива:

(27) лимбум (бантоидные) *sɔ* 'мы (дв. ч.)', *wɛr* 'мы (мн. ч. экскл.)', *wɛɛ* 'вы', *sɛɛ* 'мы (мн. ч. инкл.)' [Fioге & Peck 1980],

(28) бобо (манде) *mɛ* 'мы (экскл.)', *kā* 'вы', *kɛ* 'мы (инкл.)' [Le Bris & Prost 1981: 43–44],

(29) хун-сааре (каинджи) *tɛ* 'мы (экскл.)', *nɔ* 'вы', *na* 'мы (инкл., объект.)' [Cressmann & Skitch 1980].

Выравнивание плюралных форм местоимений — довольно характерная типологическая характеристика местоименных парадигм, отмеченная в языках Западной Африки еще столетие назад М. Делафоссом [Delafosse 1904]. Логично, что из двух клязивных форм местоимения 1 л. мн. ч. такому выравниванию в большей степени подвержено именно инклюзивное.

5. Фонетическая модификация эксклюзивного местоимения.

В ряде языков мы имеем дело с фонетическим сходством обоих клязивных показателей, однако диахроническую природу этого сходства определить пока не представляется возможным.

(30) макаа (банту А83) *sə* 'мы (экскл.)', *shə* 'мы (инкл.)' [Nurse 2007],

(31) ком (бантоидные) *ghe-sɪ* 'мы (экскл.)', *ghe-sɪ-na* 'мы (инкл.)' [Schulz 1997].

6. Супплетивная форма.

Наконец, существуют языки, в которых генетическая связь лексемы местоимения 1 л. мн. ч. инклюзива с другими членами местоименной парадигмы не восстанавливается.

(32) гбаи (убанги) *mɛ* 'я', *mɔ* 'ты', *álɛ-mɛ* 'мы (экскл.)', *álɛ-mɔ* 'вы', но *álɛ-nɛ* 'мы (инкл.)' [Boyd 1988],

(33) мамбила (бантоид.) формы мн. ч. 1–2–3 *bel*, *ben*, *bɔ*, но *vu* 'мы (инкл.)' [Perpin 1980].

В гбаи, как мы видим, формы плюралных местоимением строятся методом аффиксации от сингулярных форм соответствующего лица. Между тем формы **nɛ* в языке не обнаруживается. Можно предположить, что эта лексема была специально введена в состав парадигмы при формировании в языке категории клязивности.

Суммируя данный обзор, можно разделить имеющийся в языках НК инвентарь инκлюзивных и экκлюзивных местоимений на две группы:

1. Генетически родственные другим местоимениям (прежде всего 1 л. ед. ч., 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч.)
2. Генетически обособленные.

При этом статистически можно показать, что генетическое родство инκлюзивно-экκлюзивных форм с другими местоимениями прослеживается в не менее чем 35 % языков в нашей базе данных. Имеются в виду лишь те языки, где такое родство представляется вполне очевидным, цифра, конечно, может значительно увеличиться при более глубоком анализе каждого конкретного языка.

Процесс расщепления значений местоимения 1 л. мн. ч. не является чем-то реликтовым, подлежащим исключительно праязыковой реконструкции. Можно показать, что этот процесс активно действует и сегодня в ряде НК языков, а именно в языках бантоидной семьи, которые предоставляют значительный материал, проливающий свет на технику образования инκлюзивно-экκлюзивных форм на основе комбинации и фузии других личных местоимений.

Составные (compound) местоимения в бантоидных языках довольно подробно описаны М. Сисоу в его работе о системах личного маркирования в языках мира [Cysouw 2003: 166–184]. В отличие от местоимений-портманто, описанных В.Ф. Выдриным в южных языках манде [Выдрин 2006], они представляют собой сложение на субъекта и прямого объекта глагола, но двух конъюнктов сочинительной связи — субъектной или объектной. Путем контаминации различных местоимений в бантоидных языках создаются формы-компози́ты 1 л. не-единственного числа с более узкими значениями, в т.ч. двойственного и множественного числа инκлюзива и экκлюзива, расширенного множественного и пр.

В ряде языков (таких, как агем) видна только начальная фаза этого процесса, так как между двумя компонентами ставится сочинительная морфема *à* и никакой собственно контаминации между ними не происходит:

(34) агем (бантоидные) *wò`* ‘ты’, *ghàʔ`* ‘мы (экκл.)’, *ghàʔ-à-wò`* ‘мы и ты’ [Нуман 1979: 47–49].

Еще более сложная модель зафиксирована в языке мундабли (бебоидная группа), где составные местоимения строятся путем дубликации первого компонента с добавлением союза *ā* ‘и, с’ и второго местоименного компонента:

(35) мундабли (бантоидные) *bī* ‘мы’, *wà* ‘ты’, *bī-byā-wà* ‘мы и ты’, букв. ‘мы: мы и ты’ [Good & al., рук.: 31–32].

В близкородственных языках мбили и нгьембоон уже заметны процессы контаминации и редукции:

(36) мбили (бантоидные) *bεε* ‘мы’, *u* ‘ты’, *bεεgu* ‘мы и ты’ [Cysouw 2003: 173],

(37) нгьембоон (бантоидные) *pég* ‘мы (экскл.)’, *ǝ* ‘ты’, *pǝǝ* ‘мы (инкл.)’ [Cysouw 2003: 174].

Наконец, полная морфологизация составных местоимений заметна в языке нони, где приходится говорить уже не о составных формах, формирующих добавление к парадигме простых местоимений, а о готовом противопоставлении инклюзива и эксклюзива:

(38) нони (бантоидные) *bese* ‘мы (экскл.)’, *ben* ‘вы’ (притяж. *-ne*), *beene* < **be-se-ne* ‘мы (инкл.)’ [Lux 2003; Cysouw 2003: 177].

Таким образом, процесс образования инклюзивных и эксклюзивных форм местоимений 1 л. мн. ч. в других языках НК макросемьи также может предполагать наличие диахронической стадии существования составных местоимений.

Важно теперь ответить на вопрос о возможности происхождения противопоставления местоимений по категории ключивности уже в НК праязыке. Для этого, безусловно, необходимо не столько сопоставить наличие или отсутствие соответствующей грамматической категории в языках различных ветвей НК, но и сравнить между собой соответствующие формы личных показателей и попытаться провести реконструкцию праформ.

Такая реконструкция, как можно видеть, возможна только на уровне отдельных групп и подгрупп языков. В частности, есть возможность реконструировать показатели инклюзива и эксклюзива в праязыках следующих групп:

— южная группа семьи манде (9 языков)

yi*/o* ‘мы (мн.ч. экскл.)’, **ko* / **kv* ‘мы (дв. ч. инкл.)’, **koa* ‘мы (мн. ч. инкл.)’ [Выдрин 2006];

— юго-западная группа семьи манде (6 языков)

**ɲe* ‘мы (мн. ч. экскл.)’, **mù* ‘мы (дв. ч. инкл.)’, **ámù* ‘мы (мн. ч. инкл.)’ [Babaev 2010];

— группа тано семьи ква (31 язык)

**ye* ‘мы (мн.ч. экскл.)’, **ame* ‘мы (мн.ч. инкл.)’;

— группа кангин северно-атлантической семьи (5 или 6 языков)

**fUn* ‘мы (мн.ч. экскл.)’, **ban* ‘мы (мн.ч. инкл.)’ [Pozdniakov & Segerer 2004];

— группа банда семьи убанги (16 языков)

**ʔa* ‘мы (мн. ч. экскл.)’, **ʔzə* ‘мы (мн. ч. инкл.)’.

При попытках шагнуть на более высокий уровень, реконструкция становится проблематичной. К примеру, форма праязыка юго-западной группы манде **mī* имеет генетические параллели в других группах семьи — ваи-коно, сусу-джалонке, моколе, однако в этих языках эксклюзивные и инклюзивные формы строятся по-другому, хотя, как правило, также путем контаминации.

Отдельные формы местоимений языков группы хейбан (кордофанская семья), а также бантоидных языков могут являться кандидатами для реконструкции праформ, однако глубокого анализа данных в этом направлении пока не проводилось. В любом случае очевидно, что праформ инклюзивных или эксклюзивных местоимений на уровне праязыков больших семей не восстанавливается.

Само по себе, конечно, это не может являться подтверждением того, что этих праформ не существовало. Возникает вопрос: а можем ли мы вообще говорить о реальности реконструкции каких-либо праформ местоимения 1 л. мн. ч. для НК праязыка?

Ответ на него мы считаем утвердительным. Сравнительный анализ показателей 1 л. мн. ч. в НК языках дает возможность реконструировать несколько местоименных лексем, для которых это значение вполне вероятно. Данные лексем, а также соответствия, позволяющие их реконструировать, приведены в таблице. При этом в отдельные столбцы выделены эксклюзивные и инклюзивные формы. Вопросительными знаками помечены формы, отнесение которых к данному списку подлежит дополнительной проверке.

Таблица

основа	1 мн.	1 мн. экскл.	1 мн. инкл.
* sI	гола (атл.) <i>se</i> темне (атл.) <i>sə</i> ммани (атл.) <i>si / hi</i> кукеле (кросс-ривер) <i>be-še</i> джимину (сенуфо) <i>su</i> бирифер (гур) <i>si</i> саму (гур) <i>si</i> нони (бантоид.) <i>bè-sèn</i> квангари (банту) <i>o-se</i>	бага (атл.) <i>sə</i> акоосе (банту) <i>sé</i>	кпеен (манде) <i>muse ?</i> аджукру (ква) <i>se</i> гби (убанги) <i>ʔzē</i> лимбум (бантоид.) <i>sèè</i>

*tU / *tI	лувале (банту) <i>tu-</i> тунен (бантоид.) ⁴ <i>tú</i> око (бенуэ-конго) - <i>tɔ</i> идома (идомоид.) - <i>lɔ</i> басари (гур) <i>tĩ-</i> биджаго (атл.) <i>tɛ- /</i> <i>tĩ-</i>	хун-сааре (ка- инджи) <i>tɛ</i> роп (каинджи) <i>tĩ</i>	моро (кордоф.) <i>lɔ-</i>
*mU	багганду (убанги) <i>mɔ</i> (посс.) фьем (платоид.) - <i>mót</i> (посс.) мбембе (кросс- ривер) <i>mɔ-</i> селе (ква) <i>mi / mun</i> мунданг (адам.) <i>móna ?</i> сисаала (гур) <i>ma</i> (об.)	бобо (манде) <i>mɛ</i> могофин (ман- де) <i>mɔ</i>	кпеен (манде) <i>mò</i> банди (манде) <i>mù</i> <i>/ ámù</i>
*(V)mI	торо-со (догон.) <i>ète</i> ген (ква) <i>mí</i> окпе (эдоид.) <i>ámí</i> идун (платоид.) <i>mɛn</i> легбо (кросс- ривер) <i>me-</i> лимба (атл.) <i>min</i>	фула (атл.) <i>min /</i> <i>men</i> басари (атл.) <i>mí-</i> кпеен (манде) <i>mìyɛ</i> бобо (манде) <i>mɛ̀</i> гбаи (убанги) <i>álé-mɛ̀</i>	эотиле (ква) <i>ame</i> нзема (ква) <i>yame</i>

Данные таблицы позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, существует целый ряд форм, которые можно реконструировать в качестве местоимения 1 л. мн. ч. НК праязыка (или по крайней мере «конго-атлантического» праязыка, т.к. данных кордофанских языков в большинстве случаев недостаточно).

Во-вторых, эти формы вполне свободно варьируют по различным языкам между эксклюзивным, инклюзивным и общим значениями 1 л. не-единственного числа, так что отнесение их праязыка-

⁴ Язык тунен в различных классификациях причисляется к языкам банту зоны А, или бантоидным языкам [Dieu & Renaud 1983; Segerer 2008].

вого значения к одной из граммем категории клюзивности не представляется возможным.

Кроме того, интересно предположить вслед за Г. Мукаровским [Mukarovskiy 1976–1977], что формы **mU* / **mI*, т.е. **m-* с последующей гласной фонемой заднего или переднего ряда, являются генетически родственными местоимению 1 л. ед. ч., которое, как известно, в большинстве языков НК семьи имеет форму *mV* или *VmV*. Основа местоимения 1 л. ед. ч. **mV* реконструируется для целого ряда семей НК языков, включая бенуэ-конго [Babaev 2010a], ква [Бабаев 2010], догон [Prokhorov 2010], гбая [Моїно 1995], ее реконструкцию можно предположить для праязыков семьи гур [Miehe 2004] и манде [Бабаев, в печати]. Общее происхождение сингулярной и плюралной форм 1 л. представляется вполне логичным.

Существует также искушение попытаться привести формы **tI* и **sI* к общему генетическому знаменателю. К этому подталкивают как формы языков гур с варьированием *ti* / *si* (сводимых Г. Миэ к единой праформе *TI* [Miehe 2004: 104]), так и схожие фонетические колебания в атлантических языках. В языках банту, кроме того, субъектный префикс 1 л. мн. ч. **tw-* сосуществует с независимым местоимением, реконструируемым как **cv(e)* [Meeussen 1967; Babaev 2008]. Известно и генетическое соответствие фонемы **c* в банту **s* других языков бенуэ-конго. Связь между **tI* и **sI*, впрочем, нуждается в более веских подтверждениях, в т.ч. с привлечением регулярных фонетических соответствий между языками различных семей.

Таким образом, итоги приведенного в настоящей работе исследования можно кратко суммировать следующим образом.

1. Для праязыка НК восстанавливается ряд основ местоимений 1 л. мн. ч.
2. Нет оснований относить какие-либо из этих праформ к значениям инклюзива или эксклюзива.
3. Формы инклюзива / эксклюзива надежно восстанавливаются только на уровне отдельных групп и подгрупп НК языков.
4. Формы инклюзива / эксклюзива образуются по единым моделям, предположительно через стадию составных местоимений.
5. Противопоставление инклюзива / эксклюзива является ареальной изоглоссой, распространенной в трех географических зонах субсахарской Африки.

6. Оснований для реконструкции в праязыке НК категории живности на сегодняшний день нет.

Литература

Бабаев К.В. О реконструкции личных местоимений в праязыке ква // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С.

Бабаев К.В. Реконструкция личных местоимений праязыка манде: предварительные замечания. Рукопись.

Вьдрин В.Ф. Личные местоимения в южных языках манде // Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 327-413.

Вьдрина А.В. Фонологическая система языка какабе. Курсовая работа. СПб., 2008.

Вьдрина А.В. Аргументная структура и актантные деривации в языке какабе. Выпускная работа. СПб., 2009.

Babaev K. Person Marking in South-West Mande Languages: a Tentative Reconstruction // Mandenkan. 2010. Vol. 46. P. 3–48.

Babaev K. Reconstructing Niger-Congo Personal Marking II: Proto-Benue-Congo // Journal of Language Relationship. 2010a. Vol. 4. P. 1–45.

Babaev K. Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns I: Proto-Bantoid. // Journal of West African Linguistics. 2008. Vol. XXXV. 1–2. P. 131–183.

Blench R. The West Kainji Language of Northwestern Nigeria: Comparative Wordlist. Рукопись. URL: <http://www.rogerblench.info>.

Bohnhoff L.E. Yag Dii (Duru) pronouns and possessive adjectives // Wiesemann U. (Ed.). Pronominal systems. Tübingen: Gunter Narr, 1986. P. 103–130.

Botne R.D. Lega (Beya dialect) (D25) // Nurse D. & Philippson G. (eds.). The Bantu languages. L.; N.Y.: Routledge, 2003. P. 422–449.

Boyd R. Le kpatiri ou gbayi, une nouvelle langue du groupe ngbandi // Moñino Y. (ed.). Lexique comparatif des langues oubanguiennes. P.: Librairie Orientaliste Paul Geuthner pour la Laboratoire de Langues et Civilisations à Tradition Orale (LACITO) / Département Langues et Parole en Afrique Central (LAPAC), 1988. P. 35–49.

Brisson R. & Boursier D. Petit dictionnaire baka-français. Douala: Collège Libermann V, XXII, 1979.

Casthelain J. La langue guerzé: Grammaire et dictionnaire. Dakar: Mémoires de l'IFAN, 20, 1952. P. 1–302.

Clark D. Ekpeye. Izi // Kropp Dakubu M.E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. West African Linguistic Society, 1976.

Cressmann E. & Skitch D. Duka // Kropp Dakubu M.E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. West African Linguistic Society, 1980 [1974].

Cysouw M. The Paradigmatic Structure of Person Marking. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Cysouw M. Inclusive / Exclusive Distinction in Independent Pronouns // Haspelmath M., Dryer M., Gil D. & Comrie B. (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Munich: Max Planck Digital Library, 2008. Ch. 39.

Davydov A. Historical Morphology of Personal Pronouns in Manding // Personal pronouns in Niger-Congo languages. International Workshop. St.Petersburg, 13–15 Sep. 2010. Abstracts and papers. P. 23–37.

Delafosse M. Vocabulaires comparatifs de plus de 60 langues ou dialectes parlés à la Cote d'Ivoire et dans la régions limitrophes. P.: E.Leroux, 1904.

Dieu M. & Renaud P. Situation linguistique en Afrique centrale — inventaire préliminaire: le Cameroun // Atlas linguistique de l'Afrique centrale. Atlas linguistique de Cameroun. P.: ACCT; Yaoundé: DGRST / CERDOTOLA, 1983.

Fiore L. & Peck P. Limbum // Kropp Dakubu M.E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. West African Linguistic Society, 1980 [1973].

Good J. & al. The languages of Lower Fungom: Grammatical overview. Рукопись.

Grebe K. & Grebe W. Lamnsoq // Kropp Dakubu M.E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. West African Linguistic Society, 1980 [1973].

Gildemann T. The Macro-Sudan belt: towards identifying a linguistic area in northern sub-Saharan Africa // Heine, B. & D. Nurse (eds.). A linguistic geography of Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 151–185.

Harro G. & Haynes N. Grammar Sketch of Yemba. Yaoundé: SIL Cameroon, 1991.

Hyman L. Noni grammatical structure: with special reference to verb morphology. Southern California Occasional Papers in Linguistics, 9. Los Angeles: University of Southern California, 1981.

Hyman L. Aghem Grammatical Structure // SCOPIL 7. Los Angeles: UCLA, 1979.

Le Bris P. & Prost A. Dictionnaire bobo-français. P.: SELAF, 1981.

Lux D. Noni Provisional Lexicon. Yaoundé: SIL Cameroun, 2003.

Meeussen A. Bantu grammatical reconstructions // *Africana linguistica* 3, *Annales van het Koninklijk Museum voor Midden-Africa* 61. 79-121. Tervuren, 1967.

Miehe G. Les pronoms personnelles dans les langues gur // Ibrizimow D. & Segerer G. (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Collection «Afrigue et Langage». 8. P. 151-162. Louvain; P.: Peeters, 2004.

Mishchenko D. Pronominal system of the Looma language: the Woi-Balagha dialect // Personal pronouns in Niger-Congo languages. International Workshop. St.Petersburg, 13–15 Sep. 2010. Abstracts and papers. P. 97–105.

Moïno Y. Le Proto-Gbaya: Essai de linguistique comparative historique sur vingt-et-une langues d'Afrique centrale. Louvain; P.: Peeters, 1995.

Mukarovsky H. A Study of Western Nigritic. Vols 1–2. Vienna: Institut für Aegyptologie und Afrikanistik, 1976–1977.

Nurse D. Tense and Aspect in Bantu. Oxford: Oxford University Press, 2007. Appendices 1–2. URL: <http://www.ucs.mun.ca/~dnurse/tabantu.html>.

Perrin M. Mambila // Kropp Dakubu, M.E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. West African Linguistic Society, 1980 [1973].

Pozdniakov K. & Segerer G. Reconstruction des pronoms personnels du proto-cangin // Ibrizimow D. & Segerer G. (eds.). Systèmes de marques personnelles en Afrique. Paris-Louva // Peeters, 2004. P. 163–184.

Preston B. A Grammar of the Bak\{e}le Language, with Vocabularies. N.Y.: J.P. Prall, 1854.

Prokhorov K. Towards a reconstruction of the Proto-Dogon pronominal system // Доклад на международной конференции «Personal pronouns in Niger-Congo languages». С.-Петербург, 13–15 сентября 2010 г.

Schulz G. Kom Language Grammar Sketch. Pt. 1. Yaoundé: SIL Cameroon, 1997.

Segerer G. Les marques personnelles dans les langues africaines, [base de données en ligne], 2002–2007. URL: <http://sumale.vjf.cnrs.fr/pronoms>.

Segerer G. Les langues Niger-Congo // Желтов А.Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008.

Siewierska A. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // Dixon R.M.W. (ed.). Grammatical Categories in Australian Languages, 1976.

Touré A. Parlons soso. P.: L'Harmattan, 2004.

Zwernemann J. Documents kpě̀ego // Cahiers Voltaïques / Gur Papers. 1996. Vol. I. P. 147–164.